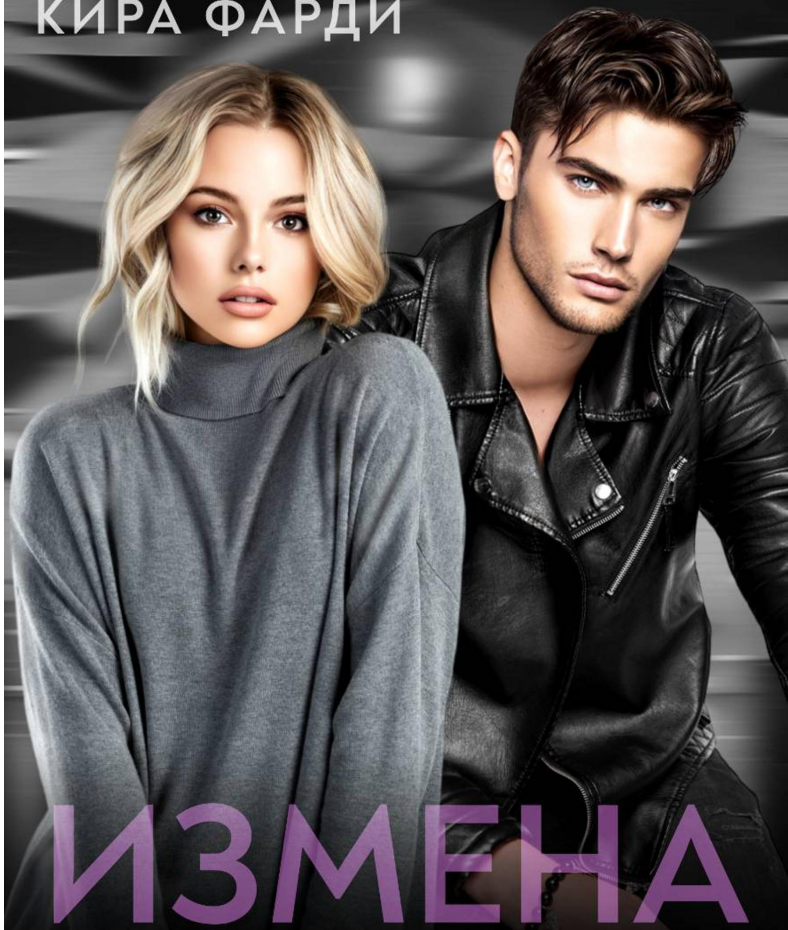

КИРА ФАРДИ

ИЗМЕНА

ПРЕДАТЕЛИ ДОЛЖНЫ
ГОРЕТЬ В АДУ

Кира Фарди

Измена. Предатели должны гореть в аду

<https://litres.ru/74098693>

SelfPub; 2026

Аннотация

День рождения мужа, праздник, гости, счастье

Но привычный мир рушится в тот миг, когда я самым жестоким образом узнаю, что все вокруг лгут, а любимый мне изменяет.

Кто-то в такой ситуации скандалит, кто-то рвет волосы предателям, а я

Я поступаю по-другому

— Ты мне изменяешь? С этой?

Мой голос дрожит.

— Нет, что ты! — машет руками Мишка, нисколько не смущаясь. — Не обращай внимания. Это так, ерунда.

— Ерунда? Это я ерунда? — девица размахивается и отвешивает пощечину. — Оставайся со своей лабораторной мышью, козел!

— Избавьте меня от ваших разборок!

Я медленно беру сумочку и иду к выходу, муж бросается наперерез.

— Юль, я тебя никуда не отпущу! Давай поговорим спокойно.

— Ты мне изменяешь, — констатирую я факт.

— Юль, стой! Стой!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	47
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	67
Глава 10	73
Глава 11	79
Глава 12	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Измена. Предатели должны гореть в аду

Пролог

Белое платье, фата, букетик невесты...

Смотрю на себя в зеркало и не узнаю. Какая-то фея, сказочная принцесса, но не я.

Я счастлива! Абсолютно, совершенно счастлива. Он восторга кружится голова, перехватывает дыхание, хочется плакать и смеяться, смеяться и плакать.

Подхватываю пышные юбки и начинаю кружиться. Мимо плывет зеркало, Галка, чуть поодаль — родители, наши друзья, коллеги, приятели. Все улыбаются, смотрят на меня, а я запрокидываю голову и кружусь, кружусь...

— Юлька, не смей! — кричит мне Галка, лучшая подружка. — Порвешь платье!

Она бежит за мной, пытаюсь ухватить развевающуюся фату, и тоже смеется. Голова плывет, я замираю, покачиваясь, Галка обнимает меня, кладет голову на плечо.

— Какая ты красивая, Юлька! — восхищается она. — Я завидую, — и вдруг оглядывается и шепчет на ухо: — Ты лучше расскажи, как там будущий муж в постели. Горячий?

— Ну, Полякова, ты даешь! — я шутливо возмущаюсь,

щеки пылают огнем. — Кто же о таких вещах спрашивает, да еще на свадьбе?

— Я, — засмеялась Галка. — Ну, не ломайся, Юль, расскажи. Мне же интересно. Ты такого красавчика отхватила! Наши девчонки тебе завидуют, а историю любви весь универ обсуждает.

— Не выдумывай!

— Это же настоящее чудо, — не успокаивается Галка, — прийти на прием к крутому дантисту и захомутать его в мужья. Я просто уплываю, когда он смотрит своими синими глазами из-под маски, готова в стоматологическом кресле жить.

— Отстань, Полякова!

Галка делает бровки домиком, опускает уголки губ и смотрит на меня глазами брошенного щеночка. Мы хохочем.

— Удачей делиться надо, — продолжает она сквозь смех. — Ну-ка покажи свой магический зуб, дай подержаться!

— Не покажу.

Я беру подругу за руки, она моя вторая половинка, всегда поддержит, рассмешит. Выхватываю боковым зрением дверь: на пороге стоит Мишка.

Мой любимый, мой красавец, самый драгоценный мужчина на свете.

Он посылает мне воздушный поцелуй, раскрывает руки и идет навстречу, Галка исчезает, весь мир перестает существовать. Только Мишка и я.

Я падаю к нему в объятия. Любимый прижимает меня к груди, слышу, как бешено колотится его сердце, и мое отвечает в унисон.

— Юлька, — шепчет горячо Мишка, — ты в большой беде.

— Почему? — распахиваю глаза, хочу отодвинуться, но он не пускает.

— Потому что ты моя единственная. Я буду любить тебя вечно.

— Лжец! Все было ложью! — вылетает из горла сдавленный стон.

Картинки мелькают одна за другой, воспоминания накрывают с головой. Пять лет незамутненного счастья идиотки в розовых очках.

Пять лет!

А сейчас...

Я смотрю на распахнутый багажник Мишкиной машины. Хотела забрать торт, приготовленный на праздник, а обнаружила рюкзак, и в нем — доказательства измены мужа. Железные, вернее, из латекса, обернутые в шуршащую фольгу. А к ним прилагается комплект нижнего белья, брендового, рубашка в упаковке, дорогая, зубная щетка, бритва и... телефон.

Не тот, который я знаю, другой, а там...

Хочется стереть из памяти, все, что там увидела.

Руки опускаются, роняю мобильник на дно багажника, делаю шаг назад, попадаю ногой на коробку с тортом, которую минуту назад поставила на асфальт. Смотрю на нее, ничего не понимаю, обида, отчаяние, ярость кипят в груди, выплескиваются, рвутся наружу криком, который едва сдерживаю.

Поднимаю половинку кирпича, зажимаю его в кулаке и иду к воротам коттеджа. Острые края обломка впиваются в кожу, но боли не чувствую. За оградой шумит праздник. Громко поздравляют мужа с днем рождения, стреляют пробками шампанского, пускают в небо шары.

Все веселятся, а я...

Я стискиваю зубы. Хочу сейчас раскроить Мишке голову, вонзить ногти в глаза, поджечь коттедж свекров, вырвать волосы незнакомой стерве...

Навстречу едет машина, сигналит, я иду по центру дороги, но мне все фиолетово, ничего не вижу, не воспринимаю действительность, все органы чувств отключились, я желаю только одного: убивать!

Вздрагиваю от визга шин по асфальту, фокусирую взгляд — туман.

Водитель высовывается в окно — мутный силуэт.

— Тебе что, дура, жизнь надоела? — орет он.

Опираюсь на капот, огибаю авто, кирпич в кулаке бороздит по эмали, по стеклу, по оголенным нервам:

— 3-3-3...

Отдаленно слышу стук дверки, все расплывается перед

глазами. Жизнь остановилась. Нет ее. Совсем. И меня нет. И Мишки.

Вернее, он есть, но не со мной.

Вообще никого нет. Друзья, приятели, родные — все лгали, водили меня за нос.

Сзади дергают за плечо, разворачивают, прижимают спиной к машине. Моя голова откидывается, будто на шарнирах.

— Ты, коза, что наделала? — вопит незнакомец.

— Уйди.

— Да ты мне заплатишь! Знаешь, сколько ремонт стоит?

Что-то большое стоит рядом, закрывает проход. Пытаюсь отодвинуть мужика рукой, он твердый, как скала, не шевелится.

— Пусти, мне надо, — повторяю мертвыми губами.

— Вот же ж! — рывкает он, и встряхивает меня за плечи. Поднимаю глаза — черное пятно. — Юля, что с вами? Вы поранились.

Слышу свое имя и вздрагиваю: знакомый? Кто? Пытаюсь сфокусировать взгляд, но все по-прежнему расплывается.

Он насильно разжимает мой кулак, выбрасывает кирпич. Я сопротивляюсь, но неизвестный удерживает. В голове внезапно щелкает.

— Увезите меня отсюда, пожалуйста.

Говорю и понимаю: это самое мудрое решение в данный момент, самое правильное. Если не уеду, взорвусь сама, разлечусь на мелкие осколки, и взорву все вокруг.

— Не могу, — говорит мужчина сердито.

— Я вас очень прошу! Быстрее!

— Нет.

— Умоляю...

— Нет! Пойдемте, я вас провожу к дому. Какой ваш?

Он берет меня за локоть, но я отталкиваю его, дергаю на себя дверь чужой машины, плюхаюсь на водительское сиденье и жму на педаль газа...

Глава 1

— Так, ребята! На сегодня все. Сдавайте работы.

Смотрю на студентов, торопливо проверяющих курсовые, на часы. Время поджигает, пора бежать, хочется поторопить аудиторию, но терпеливо жду.

Ох, опоздаю! Как есть опоздаю! Ничего не успею!

Нет! Сегодня нельзя.

Наконец получаю первую папку, вторую...

«Пятнадцать, двадцать три, — считаю машинально. — Еще две, и я свободна».

От нетерпения перетаптываюсь, оглядываю опустевшие ряды и натыкаюсь на внимательный взгляд. Хмурюсь.

Опять он?

Этот студент всегда приходит в аудиторию последним.

Длинный, лохматый, небритый, в вечной кожанке...

Не пропускает ни одной лекции.

Садится на ближний к выходу ряд, достает ноутбук, раскрывает...

Но я ни разу не видела, чтобы он что-то записывал. Смотрит на меня, на доску, на экран, и я не знаю, куда спрятаться от его пристального взгляда: теряю мысль, забываю материал лекции, включаю не тот слайд. В общем, чувствую себя неловко и оттого злюсь еще больше.

После лекции он также убирает ноутбук в рюкзак, хватает

кожанку и исчезает.

И все это молча, ничего не спрашивая, не участвуя в обсуждениях и дискуссиях, просто сидит и смотрит. Зачем приходит, непонятно.

Вот и сегодня здесь.

— Юлия Геннадиевна, — перевожу взгляд на шатенку с длинными волосами, которая стоит рядом с кафедрой. — Завтра можно к вам прийти на консультацию?

— Конечно.

— Во сколько?

— В тринадцать часов. Только не опаздывайте, я очень занята.

— Хорошо.

Складываю стопкой курсовые работы, пристраиваю эту внушительную горку на руку, как ее перехватывают из-под моего носа.

— Я сам, — басит странный студент и размашисто идет вперед.

— Спасибо, — кричу в кожаную спину.

Хватаю сумку, телефон, бегу следом, но не успеваю догнать, лишь на кафедре обнаруживаю столбик работ у себя на столе. Звонит телефон: Галка.

— Юль, забеги ко мне перед уходом.

— Я тороплюсь.

— На пять минут, вопрос есть.

— Юлия Геннадиевна, вы так спешите! — качает головой

завкафедрой. — Разве у вас праздник сегодня?

— Нет, — отвечаю, натягивая плащ.

— Ой, тогда не волнуйтесь, успеете.

Качаю отрицательно головой: не согласна. Я во всем люблю порядок, и в этот день не хочу иметь неприятные сюрпризы из-за своей забывчивости.

— Еще много приготовить надо.

Замираю у двери, растираю пальцами виски, не покидает мысль, будто что-то забыла.

— А где празднуете? В ресторане или дома? — допрашивает меня любопытная Мария Ивановна.

Я досадливо морщусь: отвлекает, обязательно что-нибудь забуду, но отвечаю:

— У родителей мужа за городом.

— О! И знаменитости будут?

Вздыхаю: от Марии Ивановны не отвязаться.

— Не думаю. Пригласили несколько семейных пар, с которыми дружим. Ну, — оглядываюсь, — я побежала.

Несусь у двери, пока меня еще о чем-нибудь не спросили, но крик настигает меня уже в коридоре.

— Юлия Геннадиевна, стойте! Сумочка?

Так и есть, забыла!

— Вот голова садовая!

Я, смеясь, выхватываю из пальцев завкафедрой сумку и несусь в приемную ректора к подруге. Галина — секретарь ректора. Она всегда в курсе свежих сплетен и охотно, даже

слишком охотно, делится ими с окружающими.

— Слушай, Юль, — налетает на меня подруга. — Можно я с кавалером приду?

— У тебя же нет.

— Сегодня найду. Все парами будут, не хочу скучать в сторонке. А ты чего такая смурная?

— Ходит ко мне студент. Странный такой. Откуда свалился на мою голову, не представляю. Его даже в списках группы нет.

— Не вопрос, сейчас узнаем, что за чудо мешает самой молодой преподаше универа работать.

— Потом, спешу.

Но Галка дергает меня за руку и усаживает на стул рядом с собой.

— Успеешь! — смеется она и открывает файлы студентов.

Я напряженно вглядывалась в экран монитора. Подруга листает страницы и спрашивает, показывая на фото.

— Этот?

— Нет. Парень темный, небритый, лицо такое...

— Какое?

— Породистое.

— Ну, и как по такому описанию искать будем?

— Тогда оставь эту затею. Сама же захотела.

— О, погоди, погоди! — она быстро двигает курсором по экрану. — Этот?

Я вглядываюсь в экран: на меня смотрит смутно знакомое

лицо, только еще юное и невинное, не тронутое жизнью.

— Похож. Я его толком и не разглядывала. Ноутбук на коленях, капюшон толстовки на лицо надвинут, голова опущена.

Кончик стилуса бежит по строчкам и замирает: Тарас Полонский.

— Парень с юридического.

— Да? — я от удивления роняю сумочку, наклоняюсь за ней. — А что он забыл на курсе испанской лингвистики?

— А я знаю? — Галка вглядывается в экран и вдруг кричит: — О! Юлька! Джекпот!

— Что? Что? — вскакиваю я, лоб мгновенно покрывается испариной: куда я влезла?

— Да ты знаешь, кто это?

— Н-нет. А должна?

— Ну, Юлька, ты даешь! — смотрит на меня круглыми глазами Галина, а в ее зрачках чертики пляшут. — Знаменитая фамилия в столице.

— Д-а-а-а? — выдыхаю я. — Заинтриговала. И чем же она знаменита?

— Олигарх Полонский. Дворцы, заводы, корабли, которые бороздят просторы нашей планеты. Неужели не слышала?

— Н-нет, — напрягаю мозги, где-то на заднем плане всплывает что-то знакомое. — И что делает этот мажор со знаменитой фамилией в нашем скромном универе?

— А вот это я не знаю. Может, тупой или конфликтный, перебрал все центральные вузы, вылетел, вот папаша и построил его к нам. Последняя, так сказать гавань... Ой!

— Ты чего? — испугалась я ее крика.

— Это же шанс. И он сам плывет в руки. Надо срочно парнем заняться.

Галка вытаскивает из ящика стола зеркальце, проводит по губам блеском, почмокивает ими.

— Ляпнешь тоже! — хмыкаю я.

— Хорошо тебе говорить, ты у нас замужняя дама, — быстрый лукавый взгляд через зеркало. — А, нам, девицам, тоже в загс сбегать хочется.

— Ну ты как скажешь! — мы в голос смеемся и оглядываемся на дверь ректора, вдруг услышит. — Может, это просто однофамилец, а ты уже и губу раскатала.

— Думаешь? — взгляд подружки гаснет, зеркальце исчезает в ящике, блеск тоже. — Скорее всего. Олигарх своего сыночка в нашу дыру не посадит.

Я согласно киваю. Нет, не скажу, что университет совсем пропащий: здесь преподавательский состав сильный, библиотека хорошая, архив старинный. Но техническое оснащение ужасное, оборудование старое, ремонта давно не было, может, потому и висим в рейтинге вузов страны в самом хвосте.

— Юль, да ты на возраст посмотри, — Галка опять тычет стилусом в экран, — далеко не студенческий. Двадцать

пять годков стукнуло. Подзасиделся паря во вьюношах. Такие только на заочке учатся.

— И правда, удивительно, — качаю я головой и теряю интерес к студенту, тем более, что мой курс уже закончился. — Пусть учится, если хочет.

Я закрываю дверь, тороплюсь домой, а сердце наполняется теплом: моему Мишке исполняется тридцать лет, завтра будут гости, а сегодня... вечер только мой.

Глава 2

Машину ставлю у дома, быстро поднимаюсь в квартиру и сразу несусь в кухню. Бросив пакеты на стол, бегу переодеваться. На ужин будет любимый мужем стейк, легкий салат и терпкое вино. А потом...

Перед глазами появляется картина, как мы сливаемся в жарких объятиях сначала на столе, потом на диване, завершив процесс на кровати... или на полу... а можем вместе принять душ.

И вдруг случится чудо... Должно же когда-то повезти, сегодня самый лучший день для этого.

Обмахиваюсь кухонным полотенцем, жарко становится не столько от плиты, сколько от мыслей.

Наконец все готово: салат сияет капельками бальзамического соуса, стейк ждет, когда его кинут на сковороду, молодой крохотный картофель исходит паром под шапкой зелени.

Нервно посматриваю на часы: вот-вот Мишка придет с работы. Несусь в спальню, отодвигаю дверцу шкафа.

— Так, это мне, — бросаю на кровать маленькое коктейльное платье, которое любит муж.

Он говорит, что бархатная ткань скользит под пальцами и возбуждает. Я ему верю, мой Мишка — знаток таких мелочей, о которых я даже не задумываюсь. Еще бы, у меня в

жизни был только он, зато у моего красавца мужа подружек в прошлом хоть отбавляй. До сих пор удивляюсь, как мне удалось женить на себе такого обаятельного, стильного и умного парня, настоящего покорителя девичьих сердец.

Внутри все наполняется теплом.

— Мой, мой, мой, только мой, — напеваю песенку.

Натягиваю платье, распускаю по плечам волосы. Нет, я тоже далеко не дурнушка, особенно всех привлекает контраст карих глаз и светлых волос, но на фоне яркого Мишки немного бледнею, ухожу в тень.

Вытаскиваю нарядную рубашку мужа, снимаю с плечиков и...

Что это?

Невольно принохиваюсь. Хорошо помню, как стирала ее на днях, но запах исходит немного другой. И когда успел надеть?

Подношу ткань к носу, пытаюсь угадать аромат, и замираю: на воротничке красуется длинный ярко-каштановый волос.

Адреналин мощной волной поступает в кровь, бьет по голове, мгновенно покрывает испариной лоб. Я снимаю волос, растягиваю его между пальцев. Примерно тридцать сантиметров. Прогоняю перед глазами всех общих знакомых женщин, но в голову никто не приходит.

Нет, ерунда! Встряхиваюсь. Мишка не такой, он не опустится до банальной измены, ему это ни к чему.

Я накручиваю на палец волос и выбрасываю в урну. В эту же секунду раздается звонок. Несусь в прихожую, открываю, вижу сначала огромный букет и только потом сияющее лицо мужа.

Мишка подхватывает меня на руки и кружится.

— Попалась, которая кусалась! — смеется он, жарко дышит в ухо и проводит языком по шее.

Мигом мурашками покрывается все тело.

— Пусти, пусти! Мясо! — отбиваюсь я, забыв о волосе и о подозрениях.

— Да, плевать на мясо! У, соблазнительница! Это платье, — его руки мигом задирают подол, — эти губы, — он крепко целует меня, — эти...

Шаловливые пальцы уже забираются под застёжку бюстгальтера, но я изворачиваюсь и отскакиваю в сторону.

— Миш, сначала ужин!

— Какая ты у меня правильная, Юлька! — смеется он. — Все строго по плану.

— Ты же сам говорил, что тебе именно это во мне и понравилось. Я внесла в твою жизнь порядок.

— Да-да, — он оказывается сзади, обнимает меня за талию, кладет голову на плечо. — Есть хочу.

— Пока могу дать только это, — сую ему в рот помидорку черри.

— Мясо хочу! — рычит муж и кусает за шею, я ежусь. — Мясо!

Он выхватывает у меня из рук вилку, нанизывает кусок стейка прямо со сковородки. Пытается откусить скворчащее маслом мясо, обжигается.

— Что ты делаешь? — подсовываю ему тарелку.

Но стейк уже падает на стол, я вздрагиваю: терпеть не могу в Мишке эту небрежность во всем. Он как первобытный неотесанный мужик готов есть с ножа, пить из ковша и хлебать суп прямо из кастрюли.

Вот и сейчас он подхватывает пальцами горячий кусок и впивается в него зубами. Я вижу, как розоватый сок капает на мою идеально белую столешницу и передергиваюсь.

— М-м-м, вкусно! — мычит он. — Юль, не пережарь.

— Иди уже в душ, — хмурюсь и хватаю тряпку.

— Ага.

Мишка несется в спальню, слышу, как хлопает дверками шкафа, выдвигает ящик комода. Я вытираю стол, переворачиваю стейки и иду следом. Так и есть! Ящик комода муж не задвинул, а боксеры взял с самого низу, разворошив все белье. Вздыхаю, навожу порядок. Настроение немного падает, но лишь чуть-чуть. Хотя я привыкла к таким выходкам Мишки, но иногда они раздражают.

Выходя из спальни, замечаю на тумбочке телефон и застыбаю: тут же вспоминаю о найденном волосе, и рука сама тянется к мобильнику.

«Не сходи с ума!» — приказываю себе сердито.

Вечер проходит замечательно. Мишка угадывает самые

тайные мои желания. Он безупречен в постели, я извиваюсь под его горячими руками, таю и становлюсь податливой глиной, из которой можно лепить все, что угодно.

— Все, моя сладенькая девочка, — наконец выдыхает он.
— Мой дружок хочет спать. Я тоже.

Муж откидывается на спину и закрывает глаза. Я провожу пальцем по его бровям, спинке носа, губам, потом наклоняюсь и целую в потрясающий рот, от которого просто схожу с ума.

— Спокойной ночи, мой повелитель.

— М-м-м, классно, — сонно бормочет муж и поворачивается набок.

Я улыбаюсь, абсолютно счастливая. Тихо, стараясь не шуметь, выдвигаю ящик тумбочки с календарем овуляций. Счастьем наполняется сердце: сегодня тот самый день. Ложусь на спину, задираю ноги и обнимаю себя за колени, прижав их к груди, как советовал врач. Несколько минут покоя, потом в душ.

Щелкает смс, скашиваю глаза: телефон Мишки. «Кто-то ему пишет так поздно», — отмечаю уголком сознания, но не дергаюсь: моя поза намного важнее левого сообщения. Выдерживаю нужное время, встаю, и снова слышу сигнал смс. Смотрю на экран и холодею...

«Дорогой, ты почему...

Успеваю прочесть только три слова, как сообщение исчезает. Хватаю телефон, набираю пароль — дату нашей сва-

дбы, и... ничего не происходит.

Сменил? Когда? Почему? У нас же не было секретов друг от друга.

Или появился?

Руки падают на колени, от растерянности ничего не понимаю. Смотрю на мужа. С трудом подавляю желание растормошить его, расспросить, даже ударить. Уже заново трясущуюся руку, Мишка сладко прижимает губами, что-то бормочет под нос и переворачивается на спину. Родное лицо сейчас такое невинное, такое безмятежное...

Так и застываю с поднятой рукой. Нет, не может быть. Муж только что был так мил, так ласков! Ни за что не поверю, что мой Мишка мне изменяет.

Ни за что!

С этим и засыпаю!

Но утром мысли о рыжем волосе и странной смс настигают меня снова с ужасной силой. Ничего не могу с собой поделать, так и подмывает расставить все точки над «и».

— Ты чего такая расстроенная? — спрашивает муж, запиная в рот бутерброд.

Он хватает в горсть ручку своей любимой кружки с изображением пышных женских грудей, смотрит взглядом потрясающих синих глаз, настолько чистым и невинным, что я начинаю сомневаться.

— С днем рождения, милый, — говорю ласково. — Как ты спал?

— Отлично, Юлька! — Мишка треплет меня по щеке, но я отодвигаюсь.

Он и раньше так делал, но сейчас почему-то неприятно, невольно возникает ассоциация с собачонкой.

— Что снилось?

— Ты в образе Клеопатры, — тут же отвечает муж. — Лежишь обнаженная на коврах посередине шатра, из украшений — только пояс верности на бедрах.

— Неужели? — делаю круглые глаза. — Фантазер ты у меня!

— Ага! Смотришь призывно истосковавшимся взглядом. А я вернулся из военного похода едва живой от усталости, а тебя увидел и мигом воспрял духом и телом. Меч в сторону, тяжеленные доспехи в другую и падаю на тебя.

— А ключик? Пояс верности же снять надо.

— Я его руками и зубами... Голодный и похотливый зверь... Р-р-р...

— Пояс верности делали из железа.

— Юльк-а-а-а! Ну, ты даешь! — смеется Мишка и отодвигает чашку. — Голодному мужику и железо нипочем! Иди ко мне.

Он разворачивает меня спиной и усаживает к себе на колени. Чувствую его возбуждение, пытаюсь встать, но он шевелит бедрами и удерживает насильно. Его пальцы уже забрались под халатик, тянут резинку трусиков.

От прикосновений по всему телу бегут иголочки, жаром

охватывает междуножье. Но подозрения просто разъедают душу, я не готова порадовать мужа утренним развлечением.

— Миш, тебе пора, — пытаюсь остановить его пылкий порыв.

— Ты была вчера... м-м-м... так бы и съел, — он скалит идеальные зубы — Р-р-р! Ам!

Он со стоном впивается в мою шею, втягивает кожу, я взвизгиваю, откидываю голову и даже не замечаю, как трусики скатываются к щиколоткам.

Муж приподнимает меня...

— Миш... Миш... погоди... постой...

— Не болтай, моя девочка, иди ко мне...

— Миш...

Но он уже не слушает, только бормочет в ритме движений:

— Давай, давай... вот так... вот так...

Выворачиваю голову: глаза мужа полузакрыты, он весь в процессе, его руки крепко держат меня за талию, приподнимают и опускают. Он смещает одну ладонь на спину и давит на меня. Без слов понимаю: надо нагнуться. Теперь муж работает, как отбойный молоток: мощно, сильно, без усталости. Плитки пола пляшут перед глазами, туда-сюда, туда-сюда, чашка с изображением пышных грудей то приближается, то уплывает, пучок волос от тряски распускается, залепляет лицо.

Я постепенно тоже завожусь, начинаю поддаваться ритму, возбуждению, моменту.

— Ох! — вскрикиваю на пике.

— Банзай! — отвечает Мишка.

Мы оба замираем, слышится только тяжелое дыхание. Я прихожу в себя первой, сползаю с колен.

— Погоди, сначала я в душ! — вскакивает Мишка, бросает взгляд на настенные часы, охает: — Черт! Опаздываю!

Муж несется в ванную, я медленно надеваю трусики, закручиваю в пучок волосы, оглядываюсь на разбомбленную кухню. И когда мы смахнули на пол салфетки, вилки, хлеб?

— Юль, я уйду! — кричит Мишка из прихожей.

Встряхиваюсь.

«Нет, так нельзя! Выясни все сразу! — приказываю себе и бегу к двери.

— Миш, тебе ночью кто-то прислал смс.

— Ага, — мычит муж, обуваясь. — Поздравляшки начались.

— А кто тебя, кроме меня, еще дорогим называет?

Спрашиваю небрежно и отворачиваюсь: не могу смотреть в лицо неприятностям, даже предполагаемым. Муж отвечает мгновенно, словно заранее приготовил ответ.

— Мама, сестра, Глеб...

— Глеб? — я теряюсь.

Друг мужа больше походит на ловеласа, не пропускающего ни одной юбки, чем на манерного кривляку.

— Да, может иногда брякнуть по приколу, — Мишка встает, роняет с вешалки мою косынку, она падает на пол. Не за-

метив, он наступает на нее. — Вот черт! — трясет ногой. — Я побежал. Сначала в министерство, потом в клинику.

Я поднимаю косынку, зажимаю в кулаке: ни за что больше не надену!

— погоди, погоди, не торопись! — хватаю мужа за рукав.
— А коллег ты собираешься сегодня угощать? Мне что-то приготовить?

Мишка целует меня небрежно в щеку и открывает дверь: как всегда деловой, активный, полный жизни.

— Обязательно. За мой счет обед. Не парься, зая.

За мужем хлопнула дверь, а я от случайно брошенного «зай» впадаю в ступор. Никогда мы с Мишкой не опускались до любовных банальностей. Все эти котики, зайчики, лапули, бэмби, принцы огурчики и принцессы розочки в нашем доме не водились.

И вдруг «зая»!

Откуда?

Почему?

Глава 3

— У тебя паранойя, — заявляет мне приятельница Галка, в приемную к которой я заглядываю на чашку кофе. — Ты чего завелась в такой день?

«Хорошо рассуждать о чужой беде! — надуваюсь я, как пузырь от жвачки. — Тебе же никто не изменяет».

Галка все еще в поиске того самого, единственного и неповторимого. Принцы на белом коне меняются, превращаются в идиотов и козлов, но она по-прежнему не унывает. У нее не бывает плохого настроения. Галина всегда, как говорят, на позитиве. Активная жизненная позиция у моей подруги во всем. Кроме основной работы, она еще занимается общественными делами университета, организует выезды, корпоративы и тимбилдинги. Причем делает это все с огоньком и удовольствием.

Но в то же время рядом с ней, как на вулкане, того и гляди, полыхнет, бомбанет, а достанется всегда самому близкому.

— Нет, смотри, длинный рыжий волос, это раз, — я сгибаю один палец, — сэмэска от неизвестного, начинающаяся на «дорогой», два, — сгибаю второй палец, — «зая» — три.

И все это за один день. Не многовато ли звоночков?

— Говорю же тебе, паранойя! — Галка, смеясь, разжимает мои пальцы. — Тяжело жить с красивым мужем, да еще таким, как твой Мишка.

— Успокоила, называется, — ворчу, прихлебываю кофе и давлюсь.

— А что не так? Знала же, за кого замуж выходила. Ты еще старую открытку вспомни.

Я хочу что-то сказать и застываю с открытым ртом.

Точно! Открытка!

Открытка случилась на второй год после нашей свадьбы. Мы только переехали в квартиру Мишкиных родителей, которые построили за городом коттедж и перебрались туда жить.

Я возвращалась домой после вечерних занятий и болтала с Мишкой по телефону, он задерживался на работе. Полезла в ящик за почтой и рассыпала счета и газеты по полу. Начала собирать и тут заметила ее.

Открытка лежала чуть в стороне. Я прихватила ее вместе со всем бумажным мусором, небрежно взглянула и вздрогнула.

На глянцево́м картоне был нарисован дом. Обычный городской дом, но отчего-то бешено заби́лось сердце и трудно стало дышать. Возле здания — песочница, в которой возился малыш, рядом с ребенком — женщина, только силуэт, без лица, но и его было достаточно, чтобы мир во мне перевернулся.

Открытка была двойная, причем створки заклеены кусоч-

ком скотча. На обратной стороне адрес: город Санкт-Петербург.

— Эй! Ты на проводе? — надрывался в ухе муж. — Чего молчишь? Алл-о-о-о...

— Я здесь, — выдавила из себя слова. — Миш, тебе тут открытка пришла. Из Питера.

— Открытка? — удивился муж. — Кто в наше время шлет открытки? Что за чушь?

— Не чушь, — голос упал до шепота.

— Юль, мне некогда. Брось открытку на стол в кабинете. Потом посмотрю.

Казалось бы, рядовая ситуация, но я чувствовала себя убитой наповал, думала о послании весь вечер, наконец не выдержала, сняла скотч и прочитала:

«Миша, привет. От тебя давно ничего не слышно. Как ты? Как живешь? Когда приедешь в Питер? Мы очень ждем в гости. Владик скучает, постоянно спрашивает. Я тоже хочу увидеться. Очень. Лена».

Что я пережила, пока ждала мужа, никому неизвестно. Думала, что свихнусь от подозрений, неизвестности, непонятной ситуации. Хорошо, что позвонила Галке. Она и успокоила, приказала не рубить сгоряча, а во всем разобраться.

Разобралась. До сих пор стыдно за свою подозрительность.

Мишку встретила, как настоящая истеричка, с больным от переживаний лицом, с глазами, полными слез и рвущемся

из сердца криком.

— Что такое, Юлька? Кто обидел мою девочку? — бросился ко мне муж.

— Открытка... объясни мне, что это? Кто тебе пишет?

Я сунула ему под нос кусочек картона. Он небрежно повертел его в руках, прочитал письмо. Ни один мускул не дрогнул на лице, не выдал внутреннего состояния. Я специально следила, не отводя взгляда.

— Ты из-за этого так расстроилась? — муж посмотрел на меня насмешливо и притянул к себе. — Вот дуреха!

Мишка разорвал открытку и небрежно выбросил в мусор. Несколько клочков разлетелись по кабинету.

— Но как это понимать?

— Да, все просто. В Питере у меня живет двоюродная сестра Ленка. Ты с ней еще не встречалась. Когда я учился, часто бывал у нее в гостях. Знаю и ее мужа. Отличная семья! Теперь наши пути разошлись. Ну, успокоилась?

— Не совсем, — подозрение все еще сидело в сердце. — Но почему она тебе вдруг написала, да еще таким странным способом?

— Ой, Юль! Ну ты у меня и ревнивица! Все усложняешь, а на деле — просто, как пять копеек! — засмеялся Мишка. — Я давно сменил номер телефона, а адрес родительской квартиры, в которой мы живем, она знает.

— А-а-а.

Объяснения выглядели вполне логично, при этом муж не

волновался, рассказывал все обстоятельно, со смешком. Я почувствовала себя неловко.

— Все, расспросы окончились? — Мишка отодвинул меня за плечи и грозно зарычал: — И вообще, как это понимать? Почему моя интеллигентная женушка читает чужие письма?

— Да я ничего... — смутилась я. — Просто... извини...

— Ай-ай-ай! Надо девочку примерно наказать!

Мишка подхватил меня на руки и понес в спальню. Наказывал долго, страстно, так, что я быстро забыла о сестре Лене и об открытке.

Но обрывки все же собрала, склеила и спрятала в книге. Зачем?

Не знаю. Может потому, что во всем люблю порядок. Или потому, что зарубка на сердце осталась.

И вот теперь Галка вытащила открытку на свет божий.

— Открытка тоже ложится в цепочку, — упрямо поджигаю губы я. — Меня никто так и не познакомил с таинственной Леной.

— Ой, Юль! Успокойся ты уже!

— Ладно, проехали.

— Это все глупости. Я бы обязательно что-то услышала или увидела. Половина нашего вуза лечится у Мишки.

Галка права: стоматологическая клиника мужа расположена по соседству с университетом, а подруга знает все мест-

ные новости и сплетни.

— Мишка твой, конечно, видный мужик, бабы вешаются на шею, но и тебе нужно что-то делать с беспочвенной ревностью, иначе развалишь отличный брак, как есть развалишь.

— Ну, я себя тоже не на помойке нашла! — обижаюсь на подругу.

— А кто говорит, что ты плоха? Нисколько! Чтобы записаться к тебе на курс, студенты в очередь становятся. Самая молодая и красивая преподша. Вон и этот, Полонский, заглядывает.

— Скажешь тоже! — краснею, но комплимент мне приятен.

— Только у вас с мужем привлекательность разная. Мишка как тот павлин, все хвост распушает да красуется, а мы, бабы, падки на яркое.

— Ага, значит, я серая курица?

— Боже упаси! — всплескивает ладонями Галка. — Павлин женится на паве и только на ней! Противоположности притягиваются, минус на плюс — гармония. Слышала о таком?

— Ох, опять ты со своей философией!

Я встаю и шагаю к двери.

— Нет, скажи, чем плоха моя философия? А? А вот тебе не мешало бы немного стать поярче. Не только ты должна Мишку ревновать, пусть и он подергается.

— Галка, отстань! — уже стоя на пороге, приказываю: —

Вечером не опаздывай!

— Иди уже!

— Нашла кавалера?

— Есть один на примете.

— Опять подцепила в баре?

— Ага, — весело смеется Галка. — А где их еще цеплять?

В барах они все мачо неженатые.

— Зато контингент...

Я кривлюсь.

— Мне подходит. Кстати, ты удивишься, когда его увидишь, но это, — Галка прикладывает палец к губам, — секрет.

Глава 4

День пролетает незаметно: лекции, семинар, консультации, скоро летняя сессия. Последняя на сегодняшний день студентка задерживается, я нервно поглядываю на часы. Если опоздаю, свекровь ничего не скажет, но недовольно подожмет губы и весь вечер будет делать вид, что меня не существует.

На стук в дверь реагирую мгновенно.

— Да, входите!

На пороге появляется вчерашняя красавица-шатенка: пышные каштановые волосы опускаются ниже лопаток, янтарные глаза притягивают взгляд. Идеальная кожа, ровные зубы, аккуратный носик. Рядом с этой яркой молодостью чувствую себя серой лабораторной мышью. Провожу ладонью по гладко зачесанным волосам, тут же вспоминаю, что давно не обновляла помаду на губах, наверное, остался только контур, да и макияж уже несвежий.

Черт! Так нельзя! Встряхиваюсь. Она студентка — я преподаватель. Естественно, что мы по разные стороны барьера.

— Юлия Геннадиевна, простите за опоздание, — лепечет девчонка.

— Проходите, садитесь, — показываю рукой на стул с другой стороны стола.

Она летит по кабинету, распространяя вокруг аромат пар-

фюма, резко садится, короткая юбочка ползет вверх, оголяя цыплячьи бедра. Невольно поправляю платье на коленях.

— У меня вопрос...

Девушка раскрывает ноутбук, и я заставляю себя погрузиться в работу. Студентка трещит, не замолкая, от ее быстрой речи начинает кружиться голова, еще сладковатый запах духов раздражает, вызывает тошноту. Тороплюсь быстрее закончить консультацию, но список вопросов не заканчивается. Наконец не выдерживаю, останавливаю словоохотливую болтушку жестом.

— Достаточно, — смотрю на ее имя в списке, — Анжелика.

— Ой, можно просто — Лика. Меня так все зовут.

«Все, но не я», — думаю раздраженно, провожу между нами негласную черту.

— Советую вам подробнее изучить материал.

— Но я...

— Если бы вы погрузились в историю испанского языка, у вас не было бы такого количества вопросов. За полчаса консультации я не могу на все ответить.

Я выразительно смотрю на часы.

— Ой, вы торопитесь? — девушка вскакивает, но в ее глазах мелькает не растерянность, а... не могу даже дать определение тому, что там увидела. — Я тогда приду в другой раз.

Она хватается сумку и несется к двери. Хлопок — и только

запах духов висит в аудитории.

— Что это сейчас было?

На столе вибрирует телефон — Мишка.

— Ты чего такая злая? — сразу спрашивает он.

— Как догадался? — в который раз поражаюсь я его про-
ницательности.

— По дыханию, — смеется муж. — Кто обидел мою же-
нушку?

— Да, есть тут одна, странная девица, не важно. Ты уже
освободился?

— Нет, задержусь. Поезжай одна, маме, наверное, помощь
нужна.

— Хорошо. Тогда ты забери торт, уже готов.

— Кидай адрес.

На улице я немного прихожу в себя. Свежий весенний ве-
терок бодрит, прогоняет этот навязчивый запах чужих духов.
Я вдыхаю полной грудью, выкидывая из головы студентку,
работу и раздражение.

Включаю в машине кондиционер и музыку.

— Love is a drug, — напиваю вместе с Амирчиком.

Пятка выстукивает ритм, бодря песенка забирается под
кожу, настроение поднимается. В элитный коттеджный по-
селок приезжаю вовремя. Свекровь, правда, все равно хму-
рится, она до сих пор не смирилась с тем, что ее красавец
сын женился на провинциалке. Лидия Федоровна снисходи-
тельно здоровается и сразу начинает распоряжаться.

— Так, Юля, проверь сервировку на столах, официанты бегают, суетятся, а толку нет.

— Хорошо

— Да, посмотри погоду, что-то мне не нравятся эти тучки на горизонте.

Я поднимаю голову: облака как облака, кучевые.

— Мама, не волнуйтесь, если пойдет дождь, — успокаиваю ее, — перенесем торжество в дом, вон сколько помощников!

Я окидываю взглядом лужайку около бассейна. Столики для фуршета разбросаны по ней в хаотичном порядке. Накрытые белыми скатертями, они смотрятся празднично и нарядно среди яркой молодой зелени. Вокруг стоят садовые кресла и диванчики из искусственного ротанга. Пестрые подушки и пледы тоже приготовлены для гостей. От зоны барбекю вкусно тянет дымком.

Везде цветы, гирлянды, шары.

Свекровь для сына постаралась на славу. Чувствую себя незванным гостем, ну, или еще одной официанткой, завершающей приготовления, Такое впечатление, что мы устраиваем прием для президента, а не рядовой день рождения.

— Ба-бах!

— Ай! — я подпрыгиваю от неожиданности.

Громкий звук раскатами еще дрожит в воздухе, все выбегают на улицу, оглядываются. Свекровь несется ко мне.

— Что случилось, Юля? Опять ты...

— Я не знаю, — трясую головой. — Это там.

Показываю на замок на холме, над которым поднимается столб пыли. Кто там живет, я не знаю, никогда не видела, но даже на таком большом расстоянии выглядит страшно.

— Юра! — кричит свекровь. — Выясни, что там у соседей? Они нам праздник испортят!

— Валюша, не шуми, я уже отправил охранника.

Свекр неторопливо спускается с крыльца. Как всегда, спокоен и невозмутим. Еще бы, депутат государственного собрания не будет спешить, волноваться и нервничать. В его жизни покой и порядок.

Я убегая в дом, вот-вот приедут гости. Только успеваю переодеться, как раздается звонок в ворота. Вернулся с информацией охранник Серега. Оказывается, дом на холме продали, и новый хозяин решил его перестроить, вот и пригласил бригаду строителей, которые стали ломать стены с помощью шар-бабы.

— Как не вовремя! — сетует свекровь.

— Не переживайте, прораб обещал на сегодня завершить работы.

— Ты узнал, кто купил участок?

— Нет. Задача такая не стояла.

Я разговор больше не слушаю, бегу в нашу с Мишкой комнату. Поправляю макияж, делаю прическу, надеваю привезенное платье, сую ноги в лодочки. На первый час подойдет, а дальше переобуюсь в балетки.

Со второго этажа, где расположена комната, хорошо видна парковка у дома, которая постепенно заполняется машинами. Вижу, как приезжают наши с мужем друзья, Мишкины сотрудники по клинике, знакомые родителей. А вот и Галка, почему-то одна.

Лидия Федоровна встречает всех в соответствии с рангом. С Галиной здоровается небрежно, зато приятелей семьи приветствует бурными восклицаниями.

Я жду мужа, не хочу без него участвовать в торжестве, Мишка появляется чуть ли не последним.

— Юля, встречай супруга, — кричит свекровь.

— Уже бегу! — отвечаю ей и спускаюсь.

— Ты чего так задержался? — шепчу любимому на ушко.

— Забыл о торте, пришлось возвращаться.

— А где он?

Мишка растерянно смотрит на руки, на меня.

— Черт! В багажнике остался. Зая, я сейчас.

Это «зая» режет по ушам, почище шар-бабы. Я словно под дых опять получаю. Настроение мгновенно ухает на плитки дорожки и закатывается под куст.

— Стой! — хватаю Мишку за рукав. — Иди к гостям, я сама принесу.

— Прости, моя девочка, закрутился совсем.

Муж прижимает меня к себе, целует в шею, я чувствую едва уловимый, знакомый запах. Точно так же вчера пахла его рубашка.

— Ты сменил духи? — спрашиваю напрямую.

— Я? Нет. А что, пахнет? Пациентка пахучая оказалась, будто на себя флакон парфюма вылила.

Улыбается в тридцать два зуба, а глаза чистые, как у младенца. Но мне становится легче. Действительно, что это я? Никогда не думала, что так болезненно ревнива.

— Ключи давай, — не дожидаясь ответа, забираюсь сама в карман мужа, а потом еще и хлопаю его по упругой попе.

— Шалунья, — грозит пальцем он. — Так и съел бы!

За спиной слышу шумные приветствия, даже хлопок шампанского. Немного царапает, что не дождались меня, но в принципе, так всегда, я, как говорит Галина, живу в тени своего мужа.

Я, довольная и счастливая, направляюсь к калитке, даже не догадываясь, что через несколько минут моя спокойная жизнь опрокинется в канализацию.

Глава 5

К стоянке иду не торопясь, наслаждаюсь теплым весенним вечером. Торт нахожу в багажнике. Он упакован в большую красивую коробку, перевязанную лентами, — кондитер постаралась. И эта роскошь кажется инородным телом среди полного беспорядка. Какие-то пустые бутылки, обрывки бумаг, пакеты и сумки.

— Ну и неряха, ты милый! — качаю головой и вздыхаю.

Вытаскиваю коробку, ставлю ее на асфальт и начинаю убираться. Терпеть не могу бедлам, который вечно устраивает муж. На работе он педант и идеал, а в быту — разгильдяй.

Нахожу пустой пакет, бросаю в него мусор, какой-то ремешок застрял между ковровым покрытием и дном багажника. Дергаю, тяну — не поддается.

— Что за черт! — ворчу под нос.

Сдвигаю мусор в сторону, поднимаю покрытие и замираю: в углублении для запасного колеса лежит рюкзак. Смотрю на него, и будто получаю удар в сердце. Я никогда не видела у мужа этой вещи. Небольшой, синего цвета, с кучей кармашков и застёжек. Совершенно не в стиле Мишки.

Трогать или нет? Вдруг это чужое. Тогда почему спрятано?

Решаюсь: пальцами тяну собачку замка и вываливаю на коврик содержимое. Разглядываю, еще не до конца понимая,

что вижу, тут в глазах мутнеет. Кажется, что земля уходит из-под ног. Медленно перебираю вещи, все чистое, новое, незнакомое.

«Тихо, тихо! — уговариваю себя, хотя хочется закричать в голос. — Не паникуй. Может, кто-то из друзей забыл. Нужно просто спросить у Мишки».

Бездумно ворошу пакеты, а крик так и просится из груди, так и рвется. Подозрение, живущее в голове со вчерашнего дня вопит во мне страшным голосом: «Мишка тебе изменяет!»

«Нет, — борюсь с истерикой. Дыхание прерывается. Вернее, я вообще не могу сделать вдох. Совсем, так, судорожные подергивания. — Рано делать выводы».

Оглядываюсь на дом, там веселье идет полным ходом. Собираю все обратно в рюкзак, вытираю слезы. Эта находка еще ни о чем не говорит. Бросаю обратно под ковер. Он глухо стучается о дно багажника.

Захлопываю крышку и опять застываю: почему я услышала удар? Там же мягкие вещи. А, это, наверное, бритва.

Закрываю багажник, беру торт и опять спотыкаюсь: удар не дает покоя, выворачивает мозги и сводит спазмом желудок.

Возвращаюсь.

Снова вытаскиваю рюкзак и проверяю все карманы. В боковом обнаруживаю телефон. Холод забирается под платье. Дрожь от рук передается всему телу. Я нажимаю на кнопку

включения. К моему удивлению, экран загорается.

— Сволочь! — рвется из горла стон. — Даже пароль не установил.

Открываю галерею и вздрагиваю: мой муж в объятиях шатенки с длинными волосами. Она стоит спиной к камере, зато Мишка красуется лицом, и оно у него такое счастливое, такое...

Не нахожу слов, чтобы передать картину, просто листаю дальше.

А там...

Останавливаюсь, делаю передышку. На это просто невозможно смотреть. Слезы закипают в глазах, застилают все туманом.

Мишка сидит с родителями за столом, а рядом... та же девица. Ее силуэт кого-то напоминает, но волосы закрывают половину лица.

Все смеются, и все счастливы. Абсолютно!

Получается...

Я уже судорожно всхлипываю. Они знают! Они все знают! Но почему допускают такое? Или в их семье — это норма? Вопросы, вопросы, вопросы... И ни одного ответа.

«Нет, — сопротивляется внутренний голос. — Это может быть чья-то знакомая или родственница. Она сидит с Мишкой рядом, вот и все. А, точно! Это, наверное, питерская Лена!».

Облегчение накрывает холодным потом, ноги слабеют, ко-

лени подгибаются. И чего я, дура, всполошилась!

Пальцы трясутся, слезы капаят на экран, вытираю их подолом платья, ничего не вижу. Открываю журнал вызовов, там несколько номеров: родители, какая-то Анжелика, Кудрявцевы, наши общие друзья, Глеб, приятель мужа.

Лены нет.

И тут...

О боже! Не верю своим глазам.

Галка...

Моя лучшая подруга. Каким боком здесь она? От шока отключаются мозги. Напрочь. Ничего не соображаю. Мне кажется, что я вижу сон, страшный сон, нереальный.

Открываю журнал сообщений, и первое от Галки.

«Миш, Юлька тебя подозревает. Не попадись!»

Она... она... еще и предупреждает его? Гляжу на дату сообщения: сегодня утром. Это значит... после нашего с ней разговора...

Голова идет кругом, руки опускаются, роняю телефон на дно багажника, делаю шаг назад, попадаю ногой на коробку с тортом. Смотрю на нее, а цепляю взглядом обломок кирпича.

Вот оно, то, что сейчас надо!

Я их всех... я им покажу...

Иду к дому, но дорогу преграждает автомобиль. Водитель орет, трясет меня за плечи, отбирает мое оружие, грозит полицией и тюрьмой, а я... отталкиваю его и сажусь в машину.

Его машину. Просто она рядом, мотор работает, вот и...

Жму на газ на автомате, ничего не соображаю, дорога расплывается перед глазами, за спиной кричит хозяин авто, вижу, как он бежит следом, но рвусь вперед, только вперед!

Дальше, как можно дальше отсюда!

На площади разворачиваюсь и несусь обратно. Мелькает Мишкина машина с раскрытым багажником, коттедж свекров, незнакомец. Заметив меня, он выскакивает на середине дороги с раскинутыми руками.

—Стой, дура! — доносится крик.

Но я виляю в сторону, задеваю кусты цветущей сирени, ветки бороздят по бокам и капоту, отмечаю это краем сознания, и выруливаю на асфальт. На полной скорости минаю пропускной пункт, в зеркало вижу, из будки на проходной выскакивает охранник поселка. Из открытого окна ветер бьет в лицо, краем глаза цепляю руль, он весь покрыт красным. Что это? Перевожу взгляд на ладонь, она в крови, рассматриваю ее удивленно: и когда поранилась? Смутно вспоминаю, что водитель об этом говорил.

От резкого звука клаксона вздрагиваю: я на встречной полосе, мне наперерез несется огромная фура. В голове что-то щелкает, включаются рефлексy, резко выворачиваю руль и съезжаю на боковую грунтовку.

Машина подпрыгивает на ухабах, голова трясется, кусты, деревья, пни скачут перед глазами. Останавливаюсь, глушу мотор, падаю головой на руль.

Глава 6

Несколько минут прихожу в себя, наконец оглядываюсь.

Где я?

Вокруг лес, и ни души, только ели шелестят ветками над головой, да тоненько звенят комары.

Смотрю на себя в зеркало и не узнаю. Прическа растрепалась, лоб в крови, отодвигаю волосы — раны нет. Наконец соображаю: рука. Открываю бардачок, разглядываю содержимое: очки, зарядники, бутылка воды, пакетики со снеками, какой-то странный инструмент. Вытаскиваю его и бросаю на сиденье. Нахожу влажные салфетки, вытираю ладонь. Она вся в мелких царапинах. Интересно, чем это я ее?

Смутно вспоминаю кирпич. А куда он делся? И сразу появляется картинка: неизвестный мужчина, который почему-то называет меня по имени. Пытаюсь вспомнить его лицо, но в голове пусто.

И что же делать дальше?

Первый шок прошел, начинаю размышлять разумно. Вытираю слезы, высмаркиваюсь, глубоко вдыхаю, наполняю легкие озоном.

Что же я имею?

Во-первых, измену мужа. Даже не сомневаюсь теперь в этом, слишком наглядные доказательства.

Во-вторых, я поцарапала чужую машину, а потом еще и

угнала ее. Что мне грозит за это? Штраф? Кутузка? Нет, свою жизнь ломать из-за предателя-мужа точно не буду.

Тогда как быть?

«Возвращаться», — подсказывает мне законопослушный внутренний голос.

Выбрасываю салфетку, но кровь продолжает сочиться. Выхожу из машины и вздрагиваю: люксовый внедорожник сияет глянцевым боком, а на нет — длинная белая царапина, и еще несколько обнаруживаю на крыше. Эта несчастная машина приняла на себя весь гнев моей оскорбленной души.

«Идиотка! — ругаю себя последними словами. — Дура!»

Почему сразу не разглядела, что перекрыла дорогу Ленд-роверу? Но мозги в тот момент валялись в отключке, теперь бы с последствиями разобраться. Желание убивать опять просыпается в душе. Порешить всех без разбора и ответить сразу за все.

— Прости меня, — провожу по внедорожнику пальцем.

Открываю багажник: картина совсем другая: вещи аккуратно сложены, каждая на своем месте. Порядок, пусть и чужой, успокаивает раздерганные нервы. Нахожу в аптечке бинт, кое-как обрабатываю ладонь и сажусь за руль. Боковым зрением опять цепляю инструмент, кручу в пальцах. Он похож на складной ножик со множеством вставок, есть даже пила. Бросаю его на колени, пригодится.

Кое-как задом, развернуться негде, выезжаю на трассу и поворачиваю к коттеджному поселку. На этот раз не тороп-

люсь, соблюдая все правила. Я и без того за последние полчаса натворила столько дел, что за год не расхлебаю.

Охранник выскакивает из будки, машет руками. Я оста-навливаюсь, выхожу из машины, бросаю ему ключи.

— Верните хозяину.

— Но... — растерялся он. — А кто хозяин?

Теперь зависаю я. Мне казалось, что весь поселок стоит на ушах, а тут спокойно.

— А разве он полицию не вызвал?

— Представления не имею. Вы уж, девушка, сами как-нибудь разберитесь, мне чужие проблемы ни к чему.

— Ладно. Машину оставлю у вас, когда придут за ней, направьте человека к дому депутата Громова.

— А вы кем приходитесь Юрию Васильевичу? — осторожно спрашивает охранник.

— Я его невестка. Жена сына.

Отвечаю спокойно, словно лекцию читаю за кафедрой, все внутри заледенело. У бокового зеркала распустила волосы, встряхнула рукой: нет прически и черт с ней, так сойдет! Для кого теперь стараться? Развернулась и пошла по дороге к стоянке, там же торт на земле лежит.

— Девушка, подождите...

— Все потом! — кричу, не оглядываясь.

Шагаю, сжимая в руке инструмент, и представляю, как буду им орудовать. Выдвигаю из бокового паза ножик. Лезвие примерно десять сантиметров. Я где-то слышала, что такая

длина считается смертельной. Если направить удар прямо в сердце, можно убить человека.

Примеряю на себе. Надо попасть между ребрами, тогда будет быстро и точно. Ни одна жилка не дергается, пока думаю о том, как буду убивать мужа, дрожь в руках прошла, голова ясная и светлая.

«А последствия?» — сопротивляется внутренний голос, но я отмахиваюсь.

На стоянке все так же, как я оставила, словно больше никого здесь и не было. Закрываю багажник, беру коробку с тортом.

Мне нравится испанская пословица: «Flota como una mariposa, pisa como una abeja» — «Порхай, как бабочка, жаль, как пчела».

Мое время бабочки закончилось, пора заточить хоботок.

Я решительно открываю калитку и вхожу во двор.

Здесь шумно: играют приглашенные музыканты, развлекает тамада, который скачет перед бассейном с микрофоном в руках, гости веселятся вовсю. Медленно иду по дорожке между цветников, меня никто пока не видит, есть возможность прикинуть, кто где находится.

Вот сидят свекры. Лидия Федоровна красуется перед парой друзей, Юрий Васильевич крутит в руках сигару, хотя и не курит. Но сигара придает ему шик, как он говорит. Чуть дальше возле фуршетного столика вижу Галку. Она заливи-сто смеется, запрокидывая голову. Рядом с ней стоит высо-

кий мужчина. На нем песочные брюки и белая рубашка. «Наверняка это тот сюрприз, который она мне обещала», — думаю отстраненно.

Где же Мишка?

Медленно обвожу взглядом сад. Вот он. Стоит у кабинки для переодевания и с кем-то любезничает. Собеседника не вижу, но это уже и не важно.

Вот муж оборачивается и замечает меня.

—Юлька! —вскрикивает он. — Ты куда пропала?

Он ставит бокал на поднос к официанту и идет навстречу. Все смотрят на нас, везде глаза, глаза, глаза...

Но гляжу только на мужа. Красивый, спортивный, он шагает ко мне через лужайку, раскрыв объятия.

«Мерзавец! Предатель! Будь ты проклят!» — мелькает в голове.

Мишка идет, а я представляю, как он захочет обнять меня, а я в этот момент воткну ему в грудь нож. Воткну и поверну, медленно, с наслаждением. Увижу, как на белой рубашке появится кровь. Она потечет по моим пальцам, прижатым к телу, закапает на плиты дорожки. А я буду смотреть в расширенные зрачки, ловить уплывающий взгляд, и искать раскаяние...

— Юлия Геннадиевна, позвольте, это мое!

Кто-то со спины касается моей руки и выдергивает из пальцев нож. Горячее дыхание на миг опалает шею, поднимаются волосы.

Оглядываюсь: вчерашний студент.

— Что вы делаете? — шепчу мертвыми губами.

— Спасая вас от глупости.

Глава 7

Не дай бог встретить на пути безумную бабу! Никому не пожелаю такого счастья!

Вот такая и выскакивает передо мной на дорогу, размахивая руками. Я бью по тормозам, едва справляюсь с управлением, а эта идет, как лунатик, не реагируя.

Опускаю стекло, кричу на нее, чуть не ругаюсь матом, так перепугался, и тут сталкиваюсь с ней взглядом.

Мороз бежит по коже: глаза у нее словно слепые, потрясенные, полные боли. Она не видит меня, не отвечает на вопли, огибает машину, и шагает вперед, чем-то царапая мой Ровер.

Ну, это уже никуда не годится!

Выскакиваю из Ровера, едва успеваю перехватить ее руку, встряхиваю и вдруг застываю с раскрытым ртом: узнаю Юлию Геннадиевну, преподавателя испанского языка в моем универе.

Юлию, Юлечку, Юляшу...

Так я называю ее про себя.

Она снится ночами, каждый раз я тянусь к ней, но девушка ускользает, только смеется и машет руками. Бегу следом, но она растворяется в дымке. Просыпаюсь в холодном поту, словно пережил кошмар.

Но и забыть не могу, перевелся в этот старый универ толь-

ко затем, чтобы издалека видеть ее. Она даже не догадывается о моем существовании, общается со студентами, весело здоровается с коллегами, бежит на чашку кофе к секретарше ректора. Но и я не стремлюсь привлечь внимание. Хожу на ее лекции и исчезаю, прежде, чем она спросит меня о чем-нибудь.

Глупо?

Наверное.

Время подростковой влюбленности давно прошло. Никогда не думал, что обычная женщина, да еще и замужняя, так потрясет мое воображение.

Впервые увидел ее в стоматологической клинике. Она вошла, смеясь, стряхнула с плаща капли дождя, пригладила светлые волосы, обвела сияющим взглядом пациентов. Я вжался в спинку дивана, внезапно испугался, что она заметит мою распухшую щеку и болезненный вид.

Но эта принцесса из сказки Андерсена поздоровалась с девушками на ресепшн и спросила:

— Мой у себя?

— Да, Михаил Юрьевич ждет вас.

«Мой? Кто это «мой»? — мелькнула ревнивая мысль.

Девушка сняла плащ, повесила в шкафчик, надела бахилы.

«А-а-а, мой — это ее врач», — догадался я, и сразу стало легче.

Теперь уже с любопытством разглядывал стройные ноги, обутые в лодочки на высоком каблуке, тонкую талию, высокую грудь. Она вся была такая ладненькая, такая миниатюрная, что хотелось поставить на ладонь, как статуэтку, и любоваться ею.

Внезапно я понял, что не чувствую боли. Даже мой зуб мудрости помудрел настолько, что затих, сраженный сказочной красотой медовых глаз. Девушка подошла к зеркалу, подняла руку, и тут я увидел обручальное кольцо.

Разочарование сжало тисками сердце. Я вздохнул и закрыл глаза: на чужое добро никогда не разевал рот.

— Господин Полонский, — окликнула меня регистратор, — Пройдите в двенадцатый кабинет.

Сел в кресло, раскрыл рот, и боль вернулась с новой силой.

— Так-так-так, что тут у нас? — поинтересовалась молоденькая медсестра и стрельнула любопытными глазами из-под маски.

— Флюс! — выдавил из себя я.

— Отлично! — обрадовалась медсестра. — Сначала сделаем снимок.

«Вот гадость!» — кипела внутри злость на себя, на проклятый зуб, на то, что оттягивается минута облегчения.

В соседней комнате девушка сделала мне снимок, а на обратном пути я опять увидел принцессу. Она прощалась в коридоре с высоким доктором. Я замедлил шаг, невольно вслу-

шиваясь в разговор.

— Дорогой, постарайся прийти вовремя, — попросила де-вушка и чмокнула красавчика в щеку. — Твой Глеб нам не простит.

— Обязательно! — тут он заметил меня и спросил: — Это вы с флюсом?

«Ага! Нет, не я! — язвительно фыркнул я. — Дядя Вася! Не видишь, что ли, на кого похож?»

Кивнул и нырнул в кабинет.

Пока этот доктор смотрел снимки, делал укол, я с трудом сдерживал себя, чтобы не встать и не уйти. Какое-то неосознанное чувство гнало меня вон из клиники, хотелось побе-жать, догнать незнакомку, еще одним глазком взглянуть на нее.

И она появилась, только за окном.

Я сидел в кресле, ждал, пока подействует анестезия, и на-блюдал, как принцесса, перепрыгивая через лужи, переходит дорогу и скрывается за дверями университета, расположен-ного напротив.

С той первой встречи меня необъяснимо тянуло сюда.

Но та фурия, которую я сегодня встретил на дороге, ни-как не походила на милую и прелестную Юлию Геннадиевну. Два разных человека, лед и пламень, небо и земля. Первую хотелось боготворить, пылинки с нее сдувать, от второй — бежать и как можно дальше.

Но сбегает она. Просто садится в мою машину и уезжает.

Я стою на дороге, пыльным мешком пришибленный, а она несется вперед, разворачивается и гонит Ровер на меня на всей скорости, будто хочет свести счеты с жизнью. Но в последнюю минуту сворачивает, и моему авто достается еще и от придорожных кустов.

— Сумасшедшая баба! — взрываюсь от злости и показываю кулак.

Ровер мелькает габаритными огнями и скрывается за поворотом.

— И что это такое было? — растерянно спрашиваю пустую улицу.

Оглядываюсь. Ситуация до крайности странная. Не понимаю, откуда здесь появилась Юля, почему в таком бешеном состоянии? Вижу на стоянке машину с раскрытым багажником, коробку с тортом на асфальте.

Кто-то забыл, или это Юля оставила?

И что делать? Вызывать полицию? Сообщить охраннику на въезде в поселок? А если подведу хорошего человека?

Набираю номер Галины. С этой дамой я встретился вчера в одном из баров отцовской сети ресторанов. Заскочил по делу, а она вдруг вцепилась в меня и пристала, как банный лист, умоляя составить ей компанию на дне рождения какого-то друга. При этом она постоянно мне подмигивала, будто намекая на что-то, но вызывала только глухое раздражение.

— Мне пора.

Я шагнул в сторону выхода, и тут она выдала:

— Юлия Геннадиевна. Знаешь такую?

Знакомое имя прозвучало так неожиданно, что я вздрогнул и остановился.

— Что, заинтересовала тебя? — Галина притянула меня к себе за отвороты куртки, я отвернулся, задержав дыхание.
— Пойдешь со мной?

— Пришлите мне адрес, — я поставил точку в разговоре.

Галина отвечает не сразу. Я переминаюсь, не зная, куда бежать, пока слушаю длинные гудки.

— Ой, Тарасик! Ты приехал! — кричит она мне в ухо. — Заходи? Дом рядом со стоянкой!

— погоди, Юлия Геннадиевна...

— Давай, давай! Мы ждем!

Я медленно иду к калитке, и тут снова появляется Юля. Одна, без машины, шагает, как робот, механически переставляя ноги. Нырять в кусты жасмина. Она подходит к машине, закрывает багажник, поднимает торт и идет к коттеджу. Пропускаю ее вперед, следуя за ней. Она ничего не замечает, лицо будто окаменело, распущенные волосы безжизненно висят, губы плотно сжаты.

— Юлия Геннадиевна, — окликаю ее.

Не отвечает, подхожу почти вплотную, не замечает.

Что это?

Забинтованную руку (все же перевязала, нашла в машине

аптечку) она держит странно, прячет ее за спину.

Бойтся расспросов? Или... приглядываюсь и вздрагиваю: нож! Торчит кончик из кулака.

Не верю глазам. Где она взяла нож? Память тут же подсказывает: мой мультитул, лежал в бардачке.

Холодным потом покрывается лоб.

Бесшумно бросаюсь за Юлей, догоняю ее уже в саду, хватаю за руку, отбираю оружие, прячу в карман, и вовремя: к нам подбегает знакомый стоматолог и радостно восклицает:

— Юлька, ты за тортом ходила или за смертью?

— За смертью, — тихо отвечает она.

— Ого! И кого же сегодня заберет костлявая с косой? — он обнимает жену за талию, притягивает к себе.

— Тебя, — отвечает она, отстраняясь. — И ее.

Глава 8

Что этот мальчишка здесь делает?

Какое он имеет право решать за меня? Хочет наябедничать свекрам, испортить праздник? Вперед! Я еще и поаплодирую.

С вызовом смотрю на студента, только что немного успокоившаяся ярость, снова встряхивается, наполняет кровь адреналином. Открываю рот, чтобы выплеснуть на его все дерьмо, накопившееся в душе, но подбегает Мишка, обнимает, шутит, и я проглатываю заготовленные слова.

«Держись! — внушаю себе. — Держись! Все потом!»

— Юлька, ты за тортом ходила или за смертью?

— За смертью, — тихо отвечаю ему.

— Ого! И кого же сегодня заберет костлявая с косой? — он обнимает меня за талию, притягивает к себе.

— Тебя, — говорю, отстраняясь, и добавляю еще тише: — И ее.

— О боже, Юлька! — муж тянет меня за собой к столам, где сидят гости. — О ком ты сейчас говоришь?

— О ней, — киваю на коробку. — Ты не мог привезти торт в презентабельном виде?

Мишка растерянно смотрит на мятую упаковку, а я жалею, что не потопталась по ней каблуками. Представила торт с орнаментом из дырочек и легче стало.

— Черт! Прости, дорогая! Я даже не заметил, — он показывает на бинт на моей ладони. — А это откуда?

— Поранилась, когда открывала дверь багажника.

— погоди, пошли в дом, надо обработать, — суетится муж.

И столько озабоченности на его лице, столько тревоги, что сердце ноет от невыносимой боли. «Если ты так любишь меня, так ценишь, тогда почему?» — чуть не кричу вслух.

— Ерунда, — шепчу и вздыхаю, чувствую, что еще немного, и грохнусь в обморок от напряжения. — Все в порядке.

— Миша, води Юлю сюда! — зовет Лидия Федоровна. — Мы уже устали вас ждать.

«Господи, дай мне силы! Дай мне силы выдержать этот день! — молюсь про себя. — Как мне скрыть эту адскую боль? Как?»

Слезы снова закипают в глазах, поворачиваюсь и сталкиваюсь взглядом со студентом. Что это с ним? Напряжен, как натянутая струна. Такое впечатление, что вот-вот сорвется с места.

«Как там его, Тарас Полонский, кажется, — вспоминаю мучительно. — Надо поговорить с ним. Надо поговорить».

— Я сейчас...

Выдергиваю пальцы из ладони мужа, но ко мне бросается подружка. Я отшатываюсь, с трудом сдерживаю порыв вцепиться ей в идеальное каре и превратить его в воронье гнездо. Даже пальцы скрючиваются от желания.

Но Галка не сдается.

— Юлька, — она наклоняется к уху и шепчет возбужденно. — Ты видела его?

— Кого? — едва расцепляю губы.

— Тараса. Красавчик, да? Ух, какой! Ты на его задницу посмотри! Два орешка, так и хочется ущипнуть. А кубики...

Неприязненно отстраняюсь.

— Ты уже и его кубики разглядела?

— Дай помечтать! Я его точно возьму в оборот. Или ты сама глаз положила?

Поднимаю голову и словно впервые вижу Галку. Она всегда была такой развязной и бесцеремонной? Или в последнее время превратилась в заядлую охотницу за мужиками?

— Не знаю, не в моем вкусе.

— Дура ты! Скука же всю жизнь прожить с одним мужиком. Спать с ним, есть, заниматься сексом. Б-р-р-р!

«На что это она намекает?» — всплывает в голове вопрос.

Получается, для нее абсолютно нормально, что женатая пара ходит налево и направо? В голове вспыхивает идея: хочу отомстить за предательство. Сполна, справедливо и идеально, так, чтобы жизнь этим гадам показалась адом. Пусть они сгорят там заживо!

— Мне не скучно, — выдавливаю из себя. — Пошли, гости ждут.

— Иди, я без Тарасика не сяду, — подмигивает мне подруга. — Ну, ты подумай. А то заберу.

Я бросаю косой взгляд на студента, который шагает к нам через лужайку, но вижу просто длинный силуэт.

Свекр стучит черенком ножа по бокалу. Старинное серебро (сплошные понты) отдает бликами в заходящих лучах солнца, так и манит, так и зовет: «Возьми меня! Возьми!»

— Господа, прошу внимания! — начинает он. Сегодня нашему единственному сыну исполняется тридцать лет! Он красивый, успешный, богатый. Достиг в жизни всего, чего хотел. Предлагаю выпить за него!

— Позд-рав-ля-ем! — нестройный хор голосов взлетает в небо.

Оглядываю всех. Вот наши друзья Кудрявцевы, Марина и Олег. Хорошая пара, всегда вместе, друг за друга горой. Тогда почему их номер есть в тайном телефоне Мишки? Неужели одобряют его адюльтер? Или считают это нормой семейной жизни?

Я беру у официанта бокал с шампанским и одним глотком выпиваю. Алкоголь прокатывается по сведенному спазмом горлу, наполняет жаром кровь, бросается румянцем в лицо.

— Миха, за тебя! — поднимает фужер Глеб. — И за твою вторую половинку. Юля, давай, на брудершафт!

Он подмигивает мне, и делает руку кренделем. Наша давняя шутка, Глеб на каждой вечеринке предлагает мне это. Но сегодня я беру свой бокал, продеваю его в кольцо.

— С поцелуем или как?

— Юлия! Ты что творишь! — ахает свекровь.

Но она сидит далеко, оцениваю расстояние, пока соберется остановить, я уже все сделаю.

— Я только за! — ухмыляется Глеб, но глаза бегают, явно нервничает.

— Не смей, Глебас! — рывкает Мишка

Он дергает меня за руку, но я уже подношу бокал ко рту, делаю глоток, а потом вытягиваю губы для поцелуя. Глеб делает то же самое. Он косится на Мишку, но и отступить уже не может, поэтому чмокает меня куда-то в щеку и сразу отскакивает.

— Слабак, ты, Глебушка! — кривлюсь. — Как есть слабак!

Я спокойно сажусь к столу. Рядом плюхается Мишка.

— Юлька, что с тобой? Решила испортить мне праздник?

— Чем? — делаю невинные глаза.

— Сначала опоздала...

— Поранилась, — показываю ладонь.

— Принесла помятый торт.

— Это ты виноват.

— А с Глебом зачем целовалась?

— Кто? Я? А нельзя? Он же твой друг. Друзьями надо делиться. И женами.

— Ты белены объелась? Посмотри на мать, ей сейчас дурно станет.

— Отчего? Она же всегда считала меня низшим сортом.

— Юлька!

Мой Мишенька бледнеет, сжимает перевязанную ладонь.
Я морщусь от боли.

— Пусти, есть хочу, — бормочу под нос, я и правда, смертельно проголодалась, и громко спрашиваю: — Мама, что у нас вкусенького?

Я никогда не звала Лидию Федоровну мамой. Она сразу обозначила между нами дистанцию и повела себя как дама, у которой есть только сын. Услышав это слово, она вздрагивает, толкает свекра в бок и показывает глазами на меня.

Что ж, я еще только почву прошупываю. Эмоции переполняют, от обиды сердце останавливается, но обдумывать месть буду позже, когда останусь одна.

Накладываю в тарелку все, что вижу на столе. Напротив садятся гости, краем глаза вижу движение, но аппетитная рыбная нарезка сейчас намного интереснее этих людей.

Вдруг получаю удар под столом, невольно отдергиваю ногу.

— Юлька, что с тобой? — шепчет Галка.

Это она села рядом, пока мужа вызвала на разговор свекровь.

— А что со мной? — спрашиваю с набитым ртом.

— Ты на себя не похожа.

— Разве?

— Словно другой человек.

— Неужели?

— Тарас, скажи ты ей!

— Юлия Геннадьевна...

Поднимаю тяжелые веки, отрываюсь от розового лосося

— Что?

— Вам плохо?

Задерживаю взгляд на красивом лице парня: «Да, мне плохо! Мне отвратительно! Ненавистно все, что здесь происходит! А тебе какое дело?»

— Что вы, Тарас! — отвечаю ему. — Мне отлично.

— О, смотри! — толкает меня в бок Галина.

Поворачиваюсь: к нам идет семейная пара среднего возраста, а за ними шагает еще кто-то.

— Дорогие друзья, позвольте вам представить новых гостей, — свекр гостеприимно разводит руки. — Светлана и Виктор Матвеевы и их дочь Анжелика.

Пара расходится, и вдруг я вижу ее...

Глава 9

Смотрю и не верю своим глазам. Это она, та самая юная красотка, которая донимала меня вопросами на консультации. Что она-то здесь делает? Одного студента на семейном торжестве мне мало?

И тут в голове щелкает, будто включается лампочка, все мгновенно становится на свои места: и длинный волос, и имя Анжелика, и удушливый аромат духов.

Комок застревает в горле, закашливаюсь, Галка стучит по спине.

— Что с тобой, подруга?

— Юлия Геннадьевна, выпейте воды.

Тарас протягивает мне через стол стакан. Я хватаю его и вздрагиваю: бьет таким сильным разрядом тока, что чуть не роняю посудину, но студент подхватывает за донышко. Наши пальцы соприкасаются. Поднимаю глаза и вижу полный сочувствия, все понимающий взгляд.

Резко толкаю стакан, встаю, поворачиваюсь к гостям. Лицо словно каменеет, скулы стягивает судорога.

— Тетя Марина, дядя Виктор, — радушно приветствует новых людей Мишка. — Лика! Привет!

Он появляется, как чертик из коробочки, неизвестно откуда. Только что за столом его не было, и вот он уже суетится, обнимает женщину, чмокает в щеку девушку.

«Сволочь! Мерзавец! — бьется в висках мысль. — Убью обоих!»

Непроизвольно сжимаю в кулаке вилку с наколотым на нее куском рыбы.

— Юля, нет! — тихий голос проникает в мозг сквозь стену боли.

Перевожу мутный взгляд на Тараса: он стоит, наклонившись вперед, опять напряжен, как тигр перед броском.

— Не лезь ко мне! — шиплю на него. — Иначе...

— Это моя красавица жена, — Мишка подводит ко мне гостей. — Юлечка, дорогая, познакомься.

Он обнимает меня за талию. Пожилой мужчина, высокий, стройный, ухоженный, протягивает мне руку.

— Виктор Романович, для вас просто — Виктор, — ощущаю меня оценивающим взглядом, от которого хочется спрятаться. — Очень приятно. Я всегда знал, что этот оболтус найдет себе достойную женщину.

Так как я не отвечаю на рукопожатие, он просто треплет меня по плечу, на мой взгляд, излишне старательно, его большой палец скользит по шее.

От омерзения мурашки бегут по спине, я дергаюсь, отстраняюсь.

— Дорогая, — Марина целует в щеку и шепчет: — Тебе срочно надо поправить макияж. Тушь размазалась.

— С-спасибо.

— Юлечка Геннадьевна! — подлетает Лика. — Я так рада,

что вас увидела! Так рада! У меня к вам куча вопросов!

Она смотрит сияющими глазами, а в них скачут смешинки, словно издеваются надо мной.

Тошнота толчками поднимается из желудка, голову стягивает обруч боли.

«Больше не выдержу! Не могу!»

Хватаю стакан, набираю в рот воду и вдруг выпрыскиваю на Лику, на ее счастливое лицо, на белое, как у невесты платье. Это происходит рефлексивно, на уровне подсознания. Я даже не поняла сначала, что сделала, и тут от визга закладывает уши.

— Фу, как противно! — вопит Лика.

— Юлька! — ахает Мишка.

Он суетится, подает девушке салфетки, промокает на внушительной груди ткань. Лика ведет себя как избалованная принцесса: хнычет, кривит губки, размахивает руками. Где-то на заднем плане слышу возмущенный голос свекрови, гости за другими столами вскакивают, пытаюсь разглядеть, что за суматоха случилась.

— Простите.

Ставлю стакан на стол, промахиваюсь, он падает на землю, остатками воды забрызгивая и туфли красотки.

— Хорошо же у вас встречают гостей! — визжит Лика.

— Истеричка, — цежу сквозь зубы, закрываю рот ладонью и бегу в дом.

Мне уже наплевать, что обо мне подумают гости. Я хочу

скрыться, исчезнуть, раствориться в воздухе, превратиться в комара и выпить всю кровь у предателей. Но мне нужны силы!

В ванной комнате запираюсь, прислоняюсь к стене и сползаю по ней на пол.

«Что делать? Как быть? Выйти и высказать все в лицо этим людям? А если я ошибаюсь? Вдруг эта Лика вовсе не любовница, а дочка друзей? Пока, кроме вещей в рюкзаке, нет никаких доказательств. Да и вещи могут быть Глеба. Надо спросить у него напрямую», — эти мысли терзают мою голову, жгут ее каленым железом изнутри.

— Юль, что случилось?

От стука в дверь вздрагиваю: Мишка. В его голосе искреннее беспокойство и любовь. Ну, не ведут так себя те, кто изменяет, не ведут!

— Я сейчас! Что-то плохо стало.

— Ты странная сегодня.

— Просто устала, день был тяжелый.

— А может, того...

— Ты о чем?

— Ну, пмс. У вас же у женщин бывает.

— Нет, все нормально. Иди к гостям. Там эта Лика в истерике бьется.

— Уже не бьется, не обращай внимания. Она хорошая девчонка, молодая только.

Ишь ты, сволочь! Еще и защищает ее! Не могу сейчас раз-

говаривать с мужем, не могу. Мне нужна передышка.

— Миш, я поеду домой.

— Ты что! Я одну тебя не отпущу в таком состоянии! — вскрикивает он. — А как же праздник? Гости? Юль, лежи немного в спальне. Как станет легче, выходи.

Слышу удаляющиеся шаги и выдыхаю, словно тяжесть с себя сбрасываю. «Лежи в спальне, — мысленно передразниваю мужа. — Ага! Сейчас! А ты тут развлекаться будешь? Не выйдет!»

Смываю косметику, плещу в лицо холодной водой, осматриваю себя. Взлохмаченная, с потухшим больным взглядом и мешками под глазами, еще и платье — это серое. Мне казалось, что жемчужный цвет самый удачный для праздника, а теперь...

Нет, так дело не пойдет!

Резко открываю дверь и поднимаюсь на второй этаж, где наша с мужем комната. Распахиваю шкаф, оглядываю содержимое. Здесь висит одежда для отдыха, яркая, летняя, открытая.

Ну, что ж! Раз выбирать не из чего...

Я стягиваю платье, бросаю на пол. Остаюсь в нижнем белье, разглядываю вешалки и вдруг ловлю свое отражение в зеркале. Поворачиваюсь то одним, то другим боком: и чем я Мишке не угодила? Фигура стройная, талия тонкая, ноги ровные, щиколотки как у балерины, не зря в школе танцами занималась.

Грудь, правда, немного маловата, ладошкой можно накрыть, но я и сама не гигант. Для моей комплекции смешно было бы иметь титки третьего размера, как у этой, Анжелики.

Неужели Мишку на молоденькое мясо потянуло?

Натягиваю джинсовые шорты, розовый топ на бретельках, секунду думаю, потом снимаю бюстгальтер. Пусть к моим торчащим соскам будут притянуты взгляды всех мужиков, плевать! Зато любимый стойку сделает, почувствует опасность.

Убираю волосы в высокий хвост. Жирно подвожу глаза, крашу губы ярким блеском. Что ж, теперь и я похожа на малолетку. Посмотрим, кто кого!

С боевым раскрасом поднимается настроение. Выскакиваю из спальни, вприпрыжку спускаюсь вниз. Только хочу взяться за ручку двери, как она открывается, и на пороге появляется Тарас.

Он ошарашенно смотрит на меня, и вдруг хватает за руку и толкает в боковую комнату.

— Что ты себе...

— Ш-ш-ш, — шипит студент и зажимает мне рот рукой.

Входная дверь хлопает, кто-то еще входит в дом.

Глава 10

Я напрягаюсь, задерживаю дыхание, прислушиваюсь к шагам. Вошли двое, но понять, кто это, невозможно, огромный китайский ковер, лежащий в холле, заглушает звуки.

Тарас стоит рядом, возвышается почти на голову. Он еще выше Мишки, такой большой, сильный, надежный.

Но и муж мне казался надежным, а что теперь? Неужели у каждого красивого мужика гнилое нутро? Вспоминаю пальцы Виктора на своей шее и вздрагиваю.

— Замерзли? — шепотом спрашивает Тарас.

Разглядываю снизу его волевой подбородок с ямочкой посередине, вдруг соображаю, что мы находимся близко друг к другу, слишком близко. Мгновенно вспоминаю, что на мне нет бюстгальтера и сжимаюсь.

— Отпусти меня, — прошу тихо. — Они ушли.

— Вы уверены, что хотите выйти?

Тарас снимает руки с моих плеч и делает шаг назад. Он тоже взвинчен, глаза сверкают в полумраке. Сумерки. И когда наступили, даже не заметила.

— Ну, не прятаться же с тобой в темноте? Если заметят, неправильно поймут.

— Юлия Геннадьевна, что происходит?

— Ты хочешь поговорить о машине? Сейчас? Извини, я была не в себе.

— Вы так легко это говорите, — усмехается углом рта, — словно каждый день угоняете чужие авто.

— Я же просила увезти меня подальше, ты не захотел, — начинаю нападать, мне совсем не хочется сейчас с ним разбираться.

Душа горит, что там делает Мишка? Почему не ищет меня? А вдруг он с этой Анжеликой?

Богатое воображение тут же рисует картину: вот они стоят, тесно прижавшись. Его рука ласкает ее большую грудь, а она извивается от наслаждения.

Из горла вырывается стон, я закусываю губу. Тарас понимает мое страдание по-своему.

— Забудьте вы о машине. Сам справлюсь.

— Вот и отлично, — берусь за ручку двери.

— Вы уходите? В таком виде?

Тарас окидывает меня взглядом с ног до головы.

— А что с ним не так?

— Но... это не ваш стиль. Какой-то подростковый.

Раздражение закипает в груди, все мужики одинаковые! Им не угодить!

— Слушай, ну что ты ко мне пристал? Не лезь в мою жизнь!

— Я переживаю за вас, — он кладет пальцы на мою ладонь и снимает ее с дверной ручки. — Подождите немного. Вдруг вас увидят.

— Господин Полонский!

— Вы знаете мою фамилию? — улыбается красивым ртом. — Я впечатлен.

— А ты думал я не поинтересуюсь студентом, который ходит на мой курс, но в списках не значится?

— И все же, Юля... Юлия Геннадьевна, не выходите так.

— Не твое дело!

— Я понимаю, вы хотите спровоцировать гостей и родственников, чем-то они вам насолили, но в таком виде лишь почувствуете себя еще больше униженной.

— О боже! Откуда ты, морализатор, свалился на мою голову?

— Юля...

— Ах, Лидочка! Я так тебя понимаю!

От громкого женского голоса мы оба вздрагиваем. Он раздается рядом с комнатой, где мы прячемся. Только сейчас я понимаю, что мы находимся в спальне свекров. Паника захлестывает разум, я дергаюсь, не знаю, куда бежать и где прятаться.

Но Тарас притягивает меня к себе и прикладывает палец к губам.

— Представляешь, Марина, вот так я и живу! У невестки ни состояния, ни достойного воспитания. А что она сегодня устроила за столом! До сих пор уши горят. Перед гостями стыдно.

Я замираю, глаза наполняются слезами. Что за день сегодня! Неужели до кучи услышу откровения свекрови обо

мне? Тарас успокаивающе гладит по плечу, я прижимаюсь к его крепкому телу спиной, появляется чувство защищенности.

Скрип ступенек, шорох шагов, кто-то трогает ручку двери, она поворачивается. Студент тянет меня к окну, закрытому плотной органзой.

Как глупо! Окно выходит в сад, а там гости. Если включить свет, все увидят парочку за стеклом.

Но повинуюсь. Тарас толкает меня за штору, сам застывает рядом, и в этот момент дверь распахивается и зажигается свет.

— Нет, Лида, согласишься, Юля — красивая девушка. И работа у нее достойная.

— Ой, не смейся! Да кому нужен испанский язык в этом богом забытом университете?

— Моя Анжелика там учится.

— Мариша, прости, прости, — я слышу, как отодвигается дверца шкафа. — Посмотри, может быть что-то подойдет твоей девочке. Нет, я в себя прийти не могу! Как посмела эта деревенщина залить водой такое дорогое платье! Правду говорят, в тихом омуте черти водятся.

Я шевелюсь, не в силах выдержать унижение, хочу выйти. Тарас сжимает мои пальцы.

— Потерпи немного. Хуже будет, если покажешься им на глаза, — шепчет он.

— Лида ты слышала?

— Что?

— Голос. Мне показалось, что в комнате кто-то еще есть, кроме нас.

«Все, это конец! Сейчас застукают!» — бьется в висках паническая мысль.

— Нет, все веселятся у бассейна.

— А куда пропала Юля?

— Юля? Не знаю, — свекровь говорит растерянно. — По-годи, — шорох, шебаршение, — Миш, а где твоя жена?

«Ясно, звонит по телефону», — выдыхаю облегченно.

Чувствую твердые пальцы Тараса, пожимаю их в ответ.

— Ну, где она? — спрашивает Марина.

— Миша говорит, что она отдыхает в своей комнате. Надо проверить.

— Да, согласна. Я возьму этот жакетик, ты не против?

Женщины выходят, мы еще минуту стоим, не двигаясь, наконец Тарас отодвигает штору и выводит меня за собой.

— Может, объясните все же, что здесь происходит?

Я смотрю на него, и все, что накопилось за этот день в душе, выплескиваю в трех словах:

— Мне... изменяет... муж.

Тарас будто получает удар кулаком под дых. Он вздрагивает всем телом, складывается пополам, задерживает дыхание. Я пугаюсь.

Что с тобой?

— Твою ж! — вырывается у него, он сжимает челюсти так,

что появляются желваки. — Я его убью эту скотину.

Он бросается к двери, я опережаю его, ныряю под мышку, закрывая спиной выход.

— Нет, не смей! Я сама!

— Ты еще и защищаешь эту скотину?

Он яростно бьет кулаком в стену, попадает в картину. Стекло разбивается, замирает на секунду. Тарас реагирует мгновенно: закрывает меня собой от осколков. Мы оба дрожим от пережитого стресса.

— В скандале нет смысла. Все те люди, — машу в сторону лужайки, — об измене Мишки знают. Только я, идиотка блаженная, жила в иллюзии!

Долго сдерживаемые слезы срываются с ресниц, Тарас вытаскивает из кармана платок, вытирает их.

— Ну, тихо, тихо! Поплачь, если хочется, поплачь!

Я хватаю студента за футболку, поднимаюсь на цыпочки.

— Тарас, умоляю! Помоги мне им отомстить!

Глава 11

Как только я попал на этот праздник, сразу почувствовал, что атмосфера здесь странная. Нет, на первый взгляд все, как обычно: музыка играет, гости веселятся, Галина, сдобренная порцией алкоголя, висит на мне, как груша. Я другого и не ожидал, как даже не предполагал, что столкнусь здесь с Юлей.

Но она ведет себя настолько странно, что чувствую, как в груди закипает огонь. В ее словах и поступках есть обреченность, словно она перешла некую черту.

Еще за столом я замечаю, что она ест как автомат, забрасывает в рот огромные куски и глотает, не жуя. Мертвое лицо, потухший взгляд, угнанная машина, нож в кулаке плюс этот хулиганский поступок, когда она прыснула в лицо водой Анжелике.

Ясно: что-то случилось и настолько серьезное, что интеллигентная и нежная принцесса превратилась в потерянное существо с взлохмаченными волосами.

Весь вечер я задаюсь этим вопросом, пытаюсь вывести на разговор Галину, но секретарша все больше хмелеет и становится развязнее.

Я оглядываюсь.

Юля куда-то убежала и пропала. Ее муж, вместо того, чтобы пойти за женой, в это время успокаивает истеричную го-

стью. Он крутится вокруг нее как волчок. Я вспоминаю, что видел эту девчонку в коридорах университета.

Она и к Юле кинулась как к старой знакомой, назвав по имени-отчеству, вот только той это совсем не понравилось. У меня складывается впечатление, что между этими тремя есть какая-то связь.

Но какая?

И тут Анжелика замечает меня. Ее глаза округляются, словно она увидела чудо из чудес, а пухлый ротик мгновенно перестает изрыгать проклятия. Она отталкивает Михаила и с широкой улыбкой идет к моему столу. Ей уже совсем не мешает мокрое платье.

— О боже, какие люди! — восклицает она. — Не ожидала, что тебя здесь встречу. Кажется, ты Тарас?

— Когда кажется, крестись! — тут же вскакивает Галина. — Этот кавалер со мной.

Она огибает стол и плюхается ко мне на колени, обняв за шею и всем видом показывая, что я ее собственность. В другое время я скинул бы ее сразу, но сейчас терплю: она знакомое зло, а вот красотка Анжелика, играющая всем телом, чтобы привлечь мое внимание, неизвестное.

— А не старовата ты для него? — кривит губы студентка. — Поистаскалась по барам и клубам.

— Ты что мелешь, дура? — скидывается Галина.

Анжелика стоит расслабленно, несколько не пасуя, и усмехается.

— Да весь универ знает, где ты шатаешься вечерами. Хочешь липнуть к парням, походи сначала на фитнес, массажик, процедуры, убери провисания, глядишь, кто-нибудь и клюнет.

— Как ты смеешь, малолетка, мне указывать?

Галина вскакивает, я облегченно вздыхаю и тоже встаю: совершенно нет желания участвовать в бабских разборках.

Черт! Где же Юля?

Чувство тревоги все растет. Обхожу сад, заглядываю в каждый уголок, сворачиваю за дом и вдруг натыкаюсь на парочку.

— Мика, — доносится капризный голос, я дергаюсь, узнав его, — твоя сучка залила мне платье.

— Зая, я куплю тебе новое.

— Мне нравилось это.

— Куплю такое же. Иди ко мне.

— Не хочу, ты подкаблучник, Мика. Побежал за ней на полусогнутых.

— Она моя жена.

— Когда ты уже с ней разведешься?

— Скоро. Иди ко мне.

— Отстань.

«Как это понимать? — ногти впиваются в ладони. — Михаил и Анжелика? У них связь? А как же Юля? Вот ублюдки!»

Делаю шаг вперед, спотыкаюсь, хватаюсь за куст. Парочка

испуганно сбегает. Я начинаю понимать, что происходит, но еще до конца не могу поверить в услышанное. А вдруг и Юля это видела?

Открываю дверь в коттедж и замираю: Юля спускается по ступенькам, но это уже совсем не она. Передо мной появляется шальная девчонка в коротких шортах и розовом топе. Ее яркий макияж, немного развязные движения, и соски, оттопыривающие ткань топа, бьют по чувствам, будто кувалда по наковальне. Мозги кипят, а мое естество делает стойку.

От панического бегства спасают шаги на крыльце. Я хватаю девушку и толкаю ее в ближайшую комнату. Мы замираем, слушаем разговор двух женщин, гадкий и неприятный, но близость Юли сводит с ума, ее запах будоражит, вызывает волнение, я почти не вникаю в слова дам, чувствую только, как Юля напрягается в моих руках.

И вот теперь она говорит мне страшные слова, подтвердив, что знает об измене мужа. Первый порыв — выскочить из дома и хорошенько вмазать в красивую физиономию стоматолога, гаснет на корню: Юля вцепляется в мою руку и не пускает.

— Я не хочу скандала!

— Но почему? Это неправильно!

Меня трясет от возмущения и злости. Внутри разгорается пламя, кажется, что этот огонь испепелит душу дотла. Как посмел этот мудак изменить такой идеальной женщине, как Юлия Геннадьевна? Как посмел? Чего ему не хватало? Кра-

сивая, уравновешенная, умная, ни разу не видел ее в плохом настроении, никогда она не срывала раздражение на других.

Я бью кулаком по стене, попадаю в картину. Стекло рамы покрывается мелкими трещинами, едва успеваю закрыть Юлю от осколков, всего трясет от страха за нее. Но она словно и не замечает ничего, умоляет:

— Помоги мне отомстить.

Я замираю с поднятой рукой, в которой зажимаю носовой платок. Мы стоим в темноте комнаты и оба тяжело дышим. В голове крутится множество мыслей.

— Как ты хочешь отомстить? — спрашиваю осторожно и отодвигаюсь.

Понимаю, что человек в состоянии аффекта на многое способен, но, если она сразу не устроила скандал, не разобралась с мужем и соперницей, значит, хочет сделать что-то другое. Но что?

— Я его люблю, — судорожно всхлипывает она, — л-любила. Не знаю... сердце болит... не могу больше выносить эту муку...

Опять протягиваю ей платок.

— Тогда выскажи ему все в лицо и уйди, хлопнув дверью.

— Куда? — она смотрит на меня блестящими глазами. — Я живу в его квартире.

— У тебя подруги есть?

— Галка, но она тоже меня предала.

— Вот стерва! — скриплю зубами, растерзал бы эту гадю-

ну своими руками. — Хорошо, как вариант — отель.

— Нет. Я же пять лет строила свое гнездышко, не могу это вот так просто бросить.

— Поехали ко мне, и пусть он побесится, когда поймет, что потерял тебя.

— Не хочу.

— Тогда чего ты хочешь?

— Отомстить.

Так, разговор заходит в тупик. Я понимаю: Юля все еще в шоке, просто он переходит в стадию растерянности: «поди туда, не знаю куда, сделай то, не знаю, что». Еще и болтовня двух старых сплетниц добила.

— Хорошо. Предлагаю первый шаг мести.

— Какой? — Юля встряхивается, вытирает глаза, расправляет плечи.

— Мы сейчас уезжаем. Тихо, по-английски, не прощаясь, и пусть твой муженек подергается. Согласна?

Глава 12

Предложение Тараса ставит в тупик. Я никогда не была склонна к решительным действиям, может, поэтому свекровь считает меня бесхребетной размазней, недостойной ее сына.

В голове тут же заметались сомнения. «А если Миша обидится? Ты ни разу так не поступала. Вдруг он расстроится, ты испортишь ему праздник», — нашептывал мне внутренний голос. Сама ситуация, что я прячусь в темной спальне свекров с посторонним мужчиной уже наполняла душу неосознанным страхом.

«Эй, блаженная, встряхнись! — завопила самооценка. — Эти люди унизили тебя, муж растоптал самолюбие, а ты его еще и жалеешь? Точно идиотка!»

Я глубоко вдыхаю и неожиданно улыбаюсь.

— Д-да, я сначала так и хотела... на твоей машине. Но потом... испугалась...

— А если ты уедешь со мной, — продолжает Тарас, — будет дергаться и подруга.

Мне определенно нравится эта мысль, так и хочется крикнуть: «Говори-говори!»

— Точно. Она еще спрашивала меня, не хочу ли я тобой заняться.

— Даже так? — Тарас наклоняет голову и с любопытством

смотрит на меня. — И что ты ей ответила?

— Не важно, — ворчу, чувствуя, как щеки заливают крас-
ка

Удивительное дело, разговаривая с ним, я успокаиваюсь, расслабляюсь, начинаю думать о чем-то, кроме измены Мишки.

— Помнишь, эти леди хотели проверить тебя в спальне?

— Д-да.

— Наверняка они уже поднялись наверх, но тебя не обнаружили.

— Грустно все это, — судорожно вздыхаю, сердце будто суживается, а ребра, наоборот, сжимаются и не дают сделать полный вдох, губы дрожат. — Никто даже не всполошился.

— Вот и ты в голову не бери. Поехали?

Как-то незаметно неловкое «вы» сменилось на дружеское «ты».

— Я сейчас, только сумку возьму и переоденусь.

— Погоди секундочку.

Тарас идет к окну, под подошвами хрустят осколки стекла. «Вот удивится свекровь, когда вернется и включит свет! — появляется злорадная мысль. — Подумает, что воры залезли».

Мне уже начинает нравиться предложение Тараса, а в голове зреет идея. Нет, прощать я не намерена. Шок и растерянность пройдут, и начну действовать.

Тарас отодвигает штору, я вытягиваю шею, пытаюсь рассмотреть, что творится на лужайке. А там как ни в чем ни бывало продолжается торжество. Слышатся веселые крики, смех, несколько пар кружится в танце, мелькает белое платье Анжелики, Мишка крутится рядом. С горечью в сердце понимаю, что я чужая на этом празднике жизни. Нет смысла держаться за квартиру, уютное гнездышко, мужа. Но я ни за что не уйду без сражения! Это теперь знаю точно.

— Все тихо, — Тарас поворачивается ко мне. — Я буду ждать тебя у проходной. Ты там оставила мой Ровер? — киваю. — Сможешь выйти из дома незаметно?

— Постараюсь.

Тарас первый выскальзывает из спальни. Я немного задерживаюсь. Слышу, как стучат его каблуки по плитам крыльца, жду еще несколько мгновений и тоже выхожу. Перепрыгивая через две ступеньки, поднимаюсь в комнату, скидываю шорты и топ, надеваю джинсы, футболку, темную куртку. На голову цепляю черную бейсболку, заправив внутрь волосы. Черную кошку в темной комнате разглядеть невозможно, только вот крыльцо и лужайка ярко освещены.

Хватаю сумку, в подсобной комнате выключаю электричество. Мгновенно везде гаснет свет, раздаются взволнованные крики. У меня есть несколько секунд, чтобы сбежать. Я выскакиваю из коттеджа, пулей слетаю с крыльца, сворачиваю за угол и, скрываясь за кустами сирени, пробираюсь к ограде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.